

- 27 Полина. СПб., 1839. С. 18.
28 Карцов Н. Семейство Комариных. С. 25–26.
29 См.: Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М., 1965. С. 107.

М.М.Кедрова
(Калининский госуниверситет)

ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ НА
СТРАНИЦАХ ТУРГЕНЕВА
(повесть "Затишье")

Для Тургенева литературно-творческий контакт с Пушкиным имел принципиальное значение. Он открыто называл себя его учеником "с младых ногтей"¹. "Вас Пушкин не может занимать более, чем меня, – писал он М.М.Стасюлевичу, – это мой идол, мой учитель, мой недосыгаемый образец" (П, X, 213). В письме к А.И.Незеленову от 5(17) декабря 1882 г. Тургенев снова признается в своем постоянном "благоговении перед... великим поэтом" и, подводя итог своему творчеству, выражает мечту о том, чтобы со временем удовлетворилось его "высшее литературное честолюбие" – быть "признанным за хорошего... ученика" Пушкина (П, XIII, кн. 2, 118).

Пушкинские произведения служили для Тургенева высшей мерой художественного совершенства и мастерства, сравниться с которыми может лишь искусство древних греков². Он находил в них "многое, достойное войти в литературную сокровищницу всего человечества"³, и призывал писателей, особенно молодых, учиться у Пушкина: "Читайте, читайте Пушкина, – советовал Тургенев М.А.Маркович, – это самая полезная, самая здоровая пища для нашего брата, литератора" (П, III, 318). Предлагая С.Т. Аксакову перечитать восточные стихотворения поэта, он заключает: "... Я от них безумствую" (П, II, 206). По свидетельству А.Ф.Кони, Тургенев был способен говорить о Пушкине "целые часы с восторгом и умилением, приводя обширные цитаты и комментируя их с особой глубиной и оригинальностью". Тургенева пленяла прежде всего "объективность Пушкина"⁴, означающая в широком философско-эстетическом плане верность действительности. Белинский, сопоставляя поэмы Тургенева "Параша" и "Помещик" с "Графом Нулиным" и "Домиком в Коломне" по "верной наблюдательности, глубокой мысли, выдваченной из тайника русской жизни, изяшной и тонкой иронии"⁵, по "остроумию и гра-

ции⁶, пришел к выводу о том, что автор их связан с Пушкиным самим типом художественного мышления. Приверженность к поэзии реальной действительности как основному предмету художественного изображения сделала Тургенева верным последователем пушкинских традиций.

Общность эстетических позиций писателей исследована уже достаточно полно⁷. Однако не менее важное значение в плане нового, функционального подхода к литературе приобретает вопрос о том, как использовал Тургенев художественный опыт Пушкина в воздействии на читателя. Своеобразие форм его читательских контактов было обусловлено прежде всего объективной манерой письма и "тайной психологией", воплотивших в себе пушкинские творческие начала. В таланте Пушкина Тургенева особенно поражала "объективность его дарования, в котором субъективность его личности сказывалась лишь одним внутренним жаром и огнем" (С, ХУ, 71). Он утверждал, что у Пушкина "нет ни одного стихотворения следующего рода... где бы автор начал описывать что-нибудь... и потом сказал бы: "Так и во мне..." Образцом объективного произведения служил для него "Анчар", в котором поэт обличает "тлетворное влияние тирании" только через художественно-выразительные средства. По его мнению, именно при скрытом "авторском присутствии" произведение достигает наибольшего художественного воздействия. С Пушкиным, "поэтом действительности", Тургенева объединяло также "отрицание романтического субъективизма в искусстве"⁸. Сознательно ограничивая себя в прямой авторской оценке изображаемого, он как бы уравнивает свои права с читательскими возможностями и достигает тем самым большой художественной убедительности.

Подобно Пушкину, Тургенев стремился раскрыть "правдоподобие чувствований" персонажей преимущественно "через физическое движение страстей", сочетая чувство меры с внутренней искренностью и пафосом. Иллюзия саморазвития и самодвижения характеров у Тургенева создает особую ситуацию восприятия, основанную на "эффекте присутствия" читателя при изображаемых событиях и рождающую в итоге глубокое читательское доверие. Всеведение автора в его произведениях ограничено по сравнению с толстовскими романами, и "энергии заблуждений" (Л. Толстой) читателя обуславливается возможностью проверить истинность описанного собственным опытом. Как справедливо утверждает Г.Бялый, "то, что показывает Тургенев, может, в принципе, видеть каждый, если только он наделен даром художественной наб-

людательности"⁹. Таким образом, пушкинский объективный тип повествования ("Капитанская дочка") превратился в реалистических повестях и романах Тургенева в художественный принцип и утвердился в читательской практике¹⁰. Иначе говоря, Тургенев самоопределялся по отношению к Пушкину не только в общеэстетическом плане как писатель-реалист, но и в формах читательских контактов, так как всякий тип повествования предполагает определенную "конвенцию" (В.Шкловский) между автором и читателем.

Однако "быть под неизбежным влиянием великих мастеров... - писал Белинский, - и рабски подражать - совсем не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающегося, второе - бесталанности". Уже в "Параше" и "Помещике", по мнению критика, отразилась не просто генетическая связь с поэмами Пушкина, а "живая историческая последовательность литературных явлений"¹¹. Что же касается развития чисто эпических жанров, Тургенев сделал тут новый шаг и пришел в итоге к созданию собственного творческого стиля - "поэтической прозы" (Д.Благой), рядом с которой пушкинская проза (рационалистическая в своей основе) казалась Л.Толстому "голой". И действительно, ограничивая субъективность авторского повествования, Тургенев вместе с тем максимально усиливал эмоционально-психологическую тональность речи героев. Меняется у него и сам принцип соотношения авторского и "чужого" слова: эмоционально насыщенная речь героев лирически окрашивает и речь автора, что закономерно повышает эмоциональный тонус читательской реакции. Эффект поэтического звучания тургеневской прозы создается также за счет ее особой ритмической организации. Кроме того, важное образно-стилистическое значение в прозе Тургенева имеет широкое использование музыки, пейзажа, портретной живописи, придающих ей лирический колорит.

Особую художественную функцию в системе его повествования выполняют многочисленные поэтические реминисценции. Соединение стихов и прозы в повестях и романах Тургенева рождает ощущение лирической взволнованности, выражающей авторское субъективно-оценочное отношение и направляющей читательское внимание в нужное русло. Так, сохраняя исходное условие объективного повествования со стороны, только от третьего лица, Тургенев в то же время ищет новые, эстетически наиболее активные, экспрессивные средства воздействия на читателя. В связи с этим заслуживает внимания следующий характерный факт: особенно часто в "поэтической прозе" Тургенева используется художественный опыт именно Пушкина-поэта, а не прозаика. Пушкинскими поэти-

ческими реминисценциями буквально испещрены и произведения, и литературно-критические статьи, и даже письма писателя. Поэзия Пушкина является неотъемлемой частью его духовной культуры. Но нас интересует в данном случае не столько собственное, непосредственно-читательское отношение Тургенева к Пушкину, сколько творческое использование им пушкинских реминисценций как эстетического фактора.

По словам К.К.Истомина, "глубокий знаток литературы, тонкий ценитель искусства и красоты, Тургенев весь сложный мир человеческой души, типов и характеров возводит к знакомым образам родной и чужой поэзии"¹² Пушкина, Шекспира, Гете и т.д. На наш взгляд, процесс освоения Тургеневым художественного опыта великих предшественников был значительно сложнее. Дело не в том, что он пытался уподобить своих героев классическим образцам. Читатель-писатель, как справедливо считает Л.Жабицкая, "проникает в чужой текст не для того, чтобы уподобиться автору, а скорее для того, чтобы уподобить его себе"¹³. При системно-функциональном подходе к литературе важна не столько генетически-преемственная связь между произведениями разных писателей, "сколько выяснение функциональных приращений между ними"¹⁴.

Почти все произведения Тургенева 40-60-х гг., начиная с ранних поэм и кончая романом "Отцы и дети", так или иначе соотносятся с творчеством Пушкина. Формы вовлеченности пушкинского художественного опыта в творчестве Тургенева разные, но все они служат одному - расширению функциональных возможностей его произведений. Следует отметить прежде всего соотносительность тургеневского типа героя в повестях "Переписка", "Дневник лишнего человека", "Яков Пасынков" и "Рудин" с Онегиным, включающую произведения Тургенева в историко-литературный контекст и обуславливающую определенную общесстетическую установку их восприятия. Общность сюжетно-тематических ситуаций тургеневских произведений с "Евгением Онегиным" также является важным аспектом их читательской направленности.

Прием введения читателя в изображаемый мир через известные уже литературные мотивы и образы при лаконизме повествования углубляет художественно-смысловую многозначность, а следовательно, и рецепторную многослойность произведения. Так, Тургенев в повести "Два приятеля" описывает быт и нравы семьи Тиходуевых, опираясь на ассоциативные впечатления читателей от "Евгения Онегина": "Это очень предпочтенное семейство. Ста-

рик служил полковником и прекрасный человек. Жена его тоже прекрасная дама. У них две дочери, чрезвычайно любезные особы, воспитаны отлично: одна этак поживее, другая – потише...”

“Словно семейство Лариных из “Онегина” , – подумал Борис Андреевич (С, У1, 35).

Ссылка на сюжетную ситуацию “Евгения Онегина” служит для читателя тургеневской повести эстетическим сигналом, настраивающим их на определенную установку восприятия. Однако затем читательское ожидание, возникшее по аналогии с эмоционально-психологической тональностью образов Ольги и Татьяны Лариных, приходит в столкновение с сатирически-сниженным изображением Пелагеи и Эмеренции Тиходуевых. Возникает эффект эстетического парадокса: облик тургеневских героинь раскрывается по принципу от противоположного. Ребяческая резвость, веселость и простодушие Ольги оборачиваются сюсюканьем жеманной и пошлой Эмеренции Калимоновны, а задумчивость и мечтательность Татьяны – паталогической робостью Пелагеи Калимоновны, которая “глядела исподлобья и дичилась”, умела только “краснеть до ушей” и молчать, отвечая изредка голосом, похожим на бас, “да-с” или “нет-с”. Завершается эпизод неудавшегося сватовства Бориса Андреевича также пушкинской реминисценцией, которая в контексте повествования Тургенева звучит иронически: Вязовнин “думал, глядя на луну...: “И это словно из “Онегина”... Кругла, красна лицом она...” – по хорош мой Ленский, и хорош я, Онегин!” – Пошел, пошел, Ларюшка, – прибавил он громко” (С, У1, 43), перефразируя слова Евгения:

Скорей! Пошел, пошел, Андрюшка!

Традиционное восприятие пушкинских образов в итоге разрушается, и они обретают в повести Тургенева дополнительную эстетическую нагрузку, отвечающую его творческой сверхзадаче. Посредством пародийной стилизации мотивов и образов “Евгения Онегина” писатель без всякого прямого вмешательства в изображаемое приобщает читателя к своему сатирическому пафосу.

Однако чаще всего Тургенев прибегает к прямому цитированию Пушкина, когда предметом его изображения становится восприятие пушкинской поэзии читателями-персонажами. Сознание и духовный быт героев его повестей (“Андрей Колосов”, “Переписка”, “Дневник лишнего человека”, “Яков Пасынков”, “Затишье”) и романов (“Рудин”, “Отцы и дети”) наполнены пушкинской поэзией. Он изображает литературные интересы и вкусы персонажей, продолжая давнюю традицию русской литературы, и в первую оче-

редь "Евгения Онегина", где интимные отношения героев обусловлены уровнем и характером их интеллектуальной культуры. Увлечение Татьяны Лариной сентиментальными романами определило и выбор "предмета" ее любви, и книжные формы проявления ее чувства, точно так же, как отповедь Евгения Онегина ей была следствием его дендизма и скептического умонастроения¹⁵.

Подобно Пушкину, Тургенев обращается к "опосредованным формам влияния истории на человека"¹⁶, преломленного через литературу и искусство. Вот почему столь большое внимание в его произведениях уделено чтению героев: названиям произведений, именам персонажей, писателей, реакции на прочитанное и т.д. Обычно круг чтения героев рассматривается лишь на уровне сюжета, как часть предметного мира произведения, без учета его специфической функционально-художественной значимости в читательской направленности этого произведения. Между тем читатель-персонаж, по справедливому утверждению М.Наумана, "является структурным элементом" произведения и используется "как эстетическая категория"¹⁷. Литературные мотивы и образы, вкрапленные в художественную ткань нового произведения, вступают с ним в сложные связи и приобретают в результате новые эстетические свойства, т.е. они участвуют в образном воплощении основной идеи этого произведения, творчески переосмысливаясь автором, и в качестве структурного элемента произведения определяют характер и тип его читательской адресованности.

Интересный материал в этом отношении представляет повесть Тургенева "Затишье", в которой широко используются реминисценции из античной мифологии и литературы, а также из произведений Грибоедова и Пушкина. Круг чтения героев "Затишья" определяет прежде всего их сюжетные действия и выявляет авторскую установку на восприятие повести. Первая ступень художественного восприятия "связана со стремлением автора возбудить читательское внимание, ввести в произведение"¹⁸. На этом начальном сюжетном уровне восприятия читатель усваивает преимущественно внешне-событийный ряд, потому столь важное значение имеет пространственно-временная организация произведения.

Включение в систему повести вания "Затишья" пушкинских стихов "Анчар" (1828), "Кто знает край, где небо блещет" и трагедии "Каменный гость", опубликованных посмертно в 1838-1839 гг., позволяет Тургеневу довольно точно обозначить временные координаты повести и вовлечь читателей в мир изображаемых событий, опираясь на их литературную память. Произ-

ведения Тургенева, как известно, были адресованы "людям образованным", и автор "Затишья" рассчитывал, разумеется, на то, что они хорошо знакомы с литературной жизнью и эстетическими нормами конца 30-х гг., когда вокруг имени погибшего Пушкина разгорелась ожесточенная борьба и когда вопрос о том, что читает человек, означал, как он воспринимает мир. Поэзия в эти годы превратилась в форму выражения романтического сознания, оторванного от жизни, лишенного связей с реальными потребностями людей.

Именно так относилась к поэзии Марья Павловна: она не любила и не воспринимала стихов, даже Пушкина, потому что, по ее убеждению, "все это сочинено, все неправда" (С, У1, 106). Тургенев в "Затишье" "продолжал борьбу с ложным романтизмом, воспитывая у читателей способность видеть истинно прекрасное в реальной действительности, окружающей их"¹⁹.

Отношение героев "Затишья" к пушкинским стихам, которые были новинкой в момент действия повести, является эквивалентом их духовной культуры, мотивирующим их поступки и поведение. Сюжетная расстановка персонажей прямо соотносится автором с их нравственно-эстетическими позициями. Рассудительный, практичный "джентельмен" Астахов, претендующий на светскость, "любил чтение, общество, музыку, но все в меру" (С, У1, 87), и так называемое "поэтическое настроение весьма скоро его утомляло" (С, У1, 112). Он не много знал стихов на память, "особенно не сладких". И даже "Анчар", который по его словам, уж "никак не может назваться сладким" (С, У1, 108), тем не менее воспринимается им как легкие "стишки". Он перевирает первые строки стихотворения ("На почве чахлой и скупой"), а кончив переписывать "Анчар" для Марьи Павловны, ставит восклицательный знак. Шаблонно-романтическая интерпретация "Анчара" Астаховым проявляется и в "напыщенной" манере его чтения, которую не воспринимает Веретьев, наделенный безошибочным чувством прекрасного: "... вы не довольно просто читаете. Дело говорит само за себя" (С, У1, 118).

Эти маленькие детали эстетически весьма значимы для читательского восприятия образа: они усиливают ироническую тональность объективного авторского повествования и корректируют определенным образом читательское внимание. Собственное поверхностное восприятие "Анчара" мешает Астахову понять, почему он произвел неотразимое впечатление на Марью Павловну: "Странное существо, — думал он, — а говорят, в провинции нет ничего осо-

бонного" (С, У1, 111). Веретьев, напротив, замечает: "Он к вам идет". Но в данном случае имеется в виду скорее всего сдержанная и благородная форма, а не суть пушкинского стихотворения, которое "идет" (как платье) величавой красоте героини, поставленной в один ряд с Церерой, Юноной, Клеопатрой, Герой и Медеей.

Тот глубинный, особенный смысл "Анчара", который пробудил душу Марьи Павловны и перевернул всю ее жизнь, остался для Веретьева невнятным, так как между ними не было полного духовного понимания. Если Марья Павловна "ничего сладкого терпеть не могла" ни в жизни, ни в искусстве, то натура Веретьева проявлялась совершенно в иной нравственно-эстетической плоскости: искусство, красота и любовь для него – только наслаждение, которое пьянит, как вино. Не случайно символом его вакхического мироощущения и языческой страсти к Марье Павловне становятся многочисленные реминисценции из античной мифологии, литературы и пушкинского стихотворения "Кто знает край, где небо блещет":

Стоит ли с важностью очей
Перед Милосскою Кипридой –*
Их две, и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой... (С, У1, 125).

Человек впечатлительный и страстный, "талантливая натура", Веретьев выгодно отличается от Астахова с его "столичной и благовоспитанной душой" (С, У1, 128), пошлого романтика и фата Стельчинского, "развязного" устроителя танцев, чтившего "обычай и уставы высшего света" (С, У1, 134), и любил Марью Павловну именно за то, что она "не светская барышня", что не умничает, что горда, молчалива, книг не читает, стихов не любит (С, У1, 128). Чтение, любовь к поэзии, т.е. отвлеченно-книжная культура, воспринимается Веретьевым как социальный признак, признак принадлежности к светской среде с ее бездуховностью, тщеславием и чисто внешней, показной образованностью. Именно в таком ключе интерпретировал образ "дженгельмена" Астахова Чернышевский, назвав его "бездушным подлецом", "который свою низость и бесчувственность прикрывает европейскими фразами и приличными манерами"²⁰. Так уровень и характер духовной культуры героев "Затишья" находит конкретное выражение в их читательской реакции на произведения Пушкина и определяет их взаимоотношения друг с другом. Вплетаюсь в развитие основного сю-

* Цитата неточная. У Пушкина: "Пред Флорентинскою Кипридой".

жета повести, пушкинские мотивы и образы углубляют, обогащают его и расширяют тем самым авторские возможности объективного, целенаправленного воздействия на читателей.

Функциональная необходимость произведений Пушкина в системе повествования "Затишья" проявляется не только на уровне сюжета, но и характерологии, основанной преимущественно на принципах самооткровения персонажей. Особенно важна роль пушкинских реминисценций в структуре образов главных героев повести. Так, основным эмоционально-психологическим ключом в раскрытии внутреннего "превращения" Марьи Павловны служит именно "Анчар", гворческое использование которого освобождает автора от сложного психологического рисунка и рождает в то же время читательское ощущение полноты и исчерпанности характера героини.

О том, какое большое значение придавал Тургенев характерологической функции "Анчара" в самопознании и самовыражении Марьи Павловны, свидетельствует черновая работа писателя над повестью. Сначала он назвал пушкинское стихотворение "Дерево смерти" и дважды менял цитаты из него. Четверостишие

Природа жаждающих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила –

сменяется строками

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

В окончательном варианте писатель останавливается на двустишии
Но человека человек

Послал к анчару властным взглядом...

Этот процесс творческого осмысления Тургеневым пушкинского стихотворения дает довольно четкое представление о движении мысли писателя: он настойчиво ищет опорные образно-смысловые моменты "Анчара", наиболее адекватные внутреннему состоянию героини и наиболее действенные в плане художественного восприятия. Расчет на ассоциативное мышление читателей имеет конструктивное значение в характерологии "Затишья". Читательское внимание в первоначальных вариантах концентрировалось сразу же на губительной силе анчара, символизирувавшей трагический исход судьбы Марьи Павловны. Эта лобовая постановка темы смерти, психологически не мотивированная, оказалась, очевидно, Тургеневу художественно недостаточно убедительной. В каноническом тексте он заменяет название стихотворения подлинным и предва-

рует тему смерти изображением духовного "превращения" Марьи Павловны, осознавшей под художественным воздействием "Анчара" свою любовь к Веретьеву как роковую, непреодолимую страсть, поработившую ее волю.

Тургенев отвлекается от конкретной, сюжетно-тематической ситуации стихотворения Пушкина, в котором обличается "тлетворное влияние тирании" (Тургенев) в общественно-социальном плане, и переносит акцент на нравственно-этические отношения. Опираясь на свою литературную память, читатель должен был по аналогии с образным строем "Анчара" представить следующую художественно-логическую цепь: любовь-рабство (и как неизбежный итог) - смерть героини. Однако двух строк из "Анчара" оказалось для этого мало. Судя по откликам на журнальную публикацию "Затишья", ассоциативная связь между пушкинским стихотворением и трагической историей Марьи Павловны воспринималась как далекая и явно недостаточная для психологической завершенности характера героини. Почти все критики сходились в одном мнении, что образы центральных персонажей повести не завершены²¹. По словам П.В. Анникова, в частности, автор "еще не вполне дописывает свои лица и образы... и слишком много предоставлено отгадке читателя".

Учитывая это, Тургенев вносит существенные поправки в повесть при подготовке отдельного издания "Повестей и рассказов" в 1856 г. Он пишет заново четвертую главу, в которой изображает сцену свидания Марьи Павловны с Веретьевым, углубляющую их характеры и внутренне мотивирующую трагическую развязку. Разрабатывая дальше характерологический принцип соотносительности читательских интересов персонажей с их внутренним миром, писатель вводит в эту главу еще одно двустишие из "Анчара", которое восполнило недостающее (в журнальном варианте повести) звено в цепи ассоциативно-образных связей стихотворения Пушкина с изображением судьбы тургеневской героини:

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки...

Когда Марья Павловна дочитала "Анчар" до этих строк, "ее голос задрожал, недвижные, надменные брови приподнялись наивно, как у девочки, и глаза с невольной преданностью остановились на Веретьеве..." (С, У1, 126).

В отличие от Веретьева она ни разу прямо не выражает своей любви к нему, и не только потому, что "не умела говорить". Ее удерживает от открытого признания целомудрие и стыдливость.

Тургенев особенно подчеркивает эти черты своей героини в четвертой главе. Вот почему Марья Павловна в решительную минуту обращается к метафорическому пушкинскому слову. И Веретьев, изумленный сначала тем, что она собирается читать ему стихи: "Опять "Анчар"?.. Но разве он так вам понравился?" – прекрасно понял ее. Он и раньше знал, что Марья Павловна "удивительное существо", совершенно свободное от всякого эгоизма, но только теперь открылась ему вся нравственная красота ее души. Потрясенный и невольно увлеченный силой ее чувств, Петр Алексеевич падает перед ней на колени и восклицает: "Я твой раб... я у ног твоих, ты мой владыка" (С, У1, 126. Выделено Тургеневым. – М.К.).

Объективно-иносказательный смысл пушкинских строк, таким образом, переводится в категорию субъективно-прямой речи героини, так как реплика Веретьева была лишь ответом-опровержением на ее подразумеваемую фразу: "Я – твоя раба, ты – мой владыка". Теперь читателям стало совершенно очевидно, что Марья Павловна целиком переносит психологическую ситуацию "Анчара" на свои интимные отношения с Веретьевым. Как и в "Фаусте", эстетические впечатления героини "Затишья" доминируют над реальной жизнью и выражают самую суть ее характера.

Так, ограничивая себя в прямой авторской характеристике, Тургенев в обрисовке духовного облика Марьи Павловны широко использует пушкинский принцип "физического движения страстей", а также прием косвенной характеристики (устами Веретьева) и опосредованно-образную форму передачи ее чувств. Через эмоционально-субъективное восприятие Марьей Павловной "Анчара", в сочетании с мастерской портретной живописью, писателю удается в четвертой главе воссоздать художественно целостный и психологически убедительный образ своей героини.

Если эстетическим знаком духовного облика Марьи Павловны служит "Анчар", то эгоизм и легкомыслие Веретьева раскрывается через его восприятие "Каменного гостя" Пушкина, точнее, сцены ночного свидания дон Карлоса с Лаурой. Эта сцена всплывает в литературной памяти Веретьева также по ассоциации, в ответ на упрек Марьи Павловны в том, что он может "прошутить" всю свою жизнь: "Прошутить жизнь, – продолжал Веретьев... – а вы хуже моего распорядитесь, вы просурьезничаете всю вашу жизнь" (С, У1, 123). Философско-поэтическую иллюстрацию этих двух разных концепций жизни он находит в пушкинской трагедии, где дон Карлос воплощает трезвый взгляд на вещи, а Лаура –

эпикурейское наслаждение мгновением счастья. Перефразируя слова Лауры: "... может быть, в Париже холод и дождь, а здесь у нас "ночь лимоном и лавром пахнет", - Петр Алексеевич заключает: "Что загадывать о будущем?" Так возникает еще один образно-ассоциативный ряд, который усиливает эмоционально-психологическую тональность повествования и придает повести художественную многозначность. Трагический лейтмотив образа анчара создает определенное подводное течение, осложняя тем самым развитие основного сюжета повести.

При подготовке "Затишья" к третьему изданию в 1861 г. Тургенев еще более подчеркивает нравственную опустошенность и безответственность Веретьева перед Марьей Павловной. В разговор его со Стельчинским о том, что он не позволит глупой дуэлью (Стельчинского с Астаховым) бросить тень на сестру, писатель вводит весьма существенное замечание: "... всех других выдам, даже тех, которые были бы готовы всем пожертвовать для меня..." (С, У1, 143), - предreshавшее заведомо трагический исход судьбы Марьи Павловны. Внешнесобытийный динамизм четвертой главы ослаблен, однако внутреннее напряжение повествования достигает кульминационной точки. Наряду с характерологической функцией "Анчар" служит формой выражения художественного конфликта "Затишья". Здесь имеется в виду формосодержательное единство: повесть восходит к стихотворению Пушкина конструктивно. Включенный в структуру тургеневского произведения, "Анчар" вступает с ним в сложные системные связи и участвует в образном воплощении его основной идеи. Опираясь на внутреннюю логику пушкинского художественного обобщения, Тургенев переносит решение конфликта в подтекст повести. Деспотизм, власть одного человека над другим в любой сфере, даже в любви, по его мнению, несут в себе разрушительное начало и чреваты опасными последствиями. "Анчар" создает в произведении Тургенева трагический образ смерти и способствует решению творческой сверхзадачи писателя.

В "Затишье" так же, как в "Переписке" и "Фаусте", написанных в середине 50-х гг., "на переломе, на повороте жизни" писателя (П, Ш, 65)²², нашла воплощение особая концепция любви: "В любви нет равенства, так называемого свободного соединения душ... Нет, в любви одно лицо - раб, а другое - властелин... Да, любовь - цепь, и самая тяжелая" (С, У1, 190). Павел Александрович, герой "Переписки", "купил это убеждение ценою жизни". То же самое можно сказать о Марье Павловне и Вере Ель-

довой ("Фауст"). Трагический лейтмотив, внесенный в повествование "Затишья" образом анчара, создает необходимый для автора смысловой акцент, который заставляет читателя обратить внимание на глубокий смысл рассказанного. Иначе говоря, власть этого образа-лейтмотива простирается на все уровни повествования "Затишья" и обуславливает "стилистический портрет" (В.Г.Одинокоев) автора, помогая выявить его ценностное отношение к изображаемым событиям и героям.

"Последнее" авторское слово о том, что Марья Павловна "не могла ни разлюбить, ни пережить разлуку" (С, У1, 153) с Петром Алексеевичем, который окончательно опустился, и что из "Веретьевы . никогда ничего не выходит" (С, У1, 157), соотнесенное с системой пушкинских реминисценций, вполне укладывается в рамки объективного читательского вывода. Высший уровень восприятия предполагает приобщение читателей к авторскому пафосу, только в этом случае состоится художественное открытие нового. Огромную роль в раскрытии эстетической концепции "Затишья" сыграло авторитетное слово Пушкина.

О концептуальном значении "Анчара" в системе повествования произведения Тургенева красноречиво говорит следующий факт. Во французском издании "Затишья" 1858 г. писатель дает подстрочный перевод стихотворения Пушкина целиком, так как в противном случае внутривидовые связи произведений были бы непонятны для неосведомленных в русской поэзии читателей-иностранцев, а следовательно, неясна и художественная идея повести.

Таким образом, опора на литературную память читателей является в "Затишье" эстетически значимым фактором. Именно расчет на воссоздающее воображение читателей, на их творческое соучастие в изображаемом представляет одну из самых характерных особенностей читательских контактов Тургенева. Иллюзия самостоятельного постижения читателем художественной истины "Затишья" достигается прежде всего, как мы убедились, за счет мастерского использования автором пушкинских реминисценций, которые являются ключом к эмоционально-психологическому пафосу повести и во многом определяют энергию воздействия ее. Творчески переосмысливая поэтические открытия Пушкина в трагедии "Каменный гость", а главным образом - в "Анчаре", Тургенев поднимает читателей от восприятия частной судьбы отдельных героев, Марьи Павловны и Веретьева, до осознания общечеловеческих вечных проблем: истинной любви и самопожертвования.

ния, духовной свободы и нравственного долга, жизни и смерти. "... В судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни", - писал он гр. Ламберт (П, Ш, 354).

Автор "Затишья" формировал своей повестью новое, более углубленное миропонимание читателей, умение видеть под "пошлой поверхностью" сущность человеческого бытия и исходил при этом из философско-поэтической концепции "Анчара". Стихотворение Пушкина в процессе художественного взаимодействия с повестью Тургенева обогащало ее, но одновременно обогащалось и само. Нравственно-психологическая доминанта в тургеневской интерпретации "Анчара" раскрыла его новые, потенциально активные, содержательные грани.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 28 т. М.; Л., 1968. Т. XV. С. 115 (далее ссылки даны в тексте по этому изданию с указанием писем (П), сочинений (С), тома и страниц).
- 2 См.: Луканина А.Н. Мое знакомство с И.С.Тургеневым // Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969. Т. 2. С. 217.
- 3 Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С.Тургеневе // Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 147.
- 4 Кони А.Ф. И.С.Тургенев // Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 129.
- 5 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 78.
- 6 Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 9. С. 567.
- 7 См.: Одинокое В.Г. Пушкин и Тургенев: (Проблемы поэтики и типологии русского романа). Новосибирск, 1968; Фридман Н.В. Поэмы Тургенева и пушкинская традиция // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969, Т. XXVIII, вып. 3; Батюто А.И. Тургенев-романист. Л., 1972; Курляндская Г.Б. Тургенев и русская литература. М., 1980 и др.
- 8 Курляндская Г.Б. Тургенев и Пушкин // Тургенев и русские писатели. Курск, 1975. С. 17.
- 9 Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962. С.89.
- 10 См. об этом подробнее в кн.: Одинокое В.Г. Указ. соч.
- 11 Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 7. С. 79.

- 12 Истомин К.К. "Старая манера" И.С.Тургенева (1834-1855). СПб., 1913. С. 9.
- 13 Жабидкая Л.Г. Чтение служит таланту: О специфике восприятия художественной литературы писателем // Проблемы комплексного изучения восприятия художественной литературы. Калинин, 1984. С. 25.
- 14 Осьмаков Н.В. Историко-функциональное исследование произведений художественной литературы // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 25.
- 15 См. об этом подробнее: Пумпянский Л.В. Романы Тургенева и роман "Накануне": Историко-литературный очерк // Тургенев И.С. Соч. М.; Л., 1929. Т. У1.
- 16 Курляндская Г.Е. И.С.Тургенев и русская литература. С. 28.
- 17 Науман Манфред. Введение в основные теоретические и методологические проблемы // Общество. Литература. Чтение. М., 1978. С. 56.
- 18 Прозоров В.В. О читательской направленности художественного произведения // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982. С. 5.
- 19 Кийко Е.И. Комментарий к "Затишью" // Тургенев И.С. Соч. Т. У1. С. 521.
- 20 Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1948. Т. 1У. С. 699.
- 21 См.: Кийко Е.И. Указ.соч. С.514-515.
- 22 Четвертая глава "Затишья" так же, как и "Фауст", имеет внутренние истоки. В ней отразилась история знакомства писателя с М.Н.Толстой (1856 г.), которая, очевидно, послужила отчасти прототипом не только Веры Ельцовой, но и Марьи Павловны (см.: Толстая М.Н. Воспоминания о И.С.Тургеневе: (В пересказе М.А.Стаховича) // Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 245-249.

Е.Н.Строганова
(Калининский госуниверситет)

ПУШКИНСКАЯ ФОРМУЛА В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО "ВОЙНА И МИР"

Все писатели послепушкинского периода развития русской литературы признавали свое генетическое родство с Пушкиным. Эта генетическая близость во многом была обусловлена типологичес-

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калининский государственный университет

А.С.ПУШКИН. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Межвузовский тематический
сборник научных трудов

Калинин 1987